

Мартин Лихтмесц

ЮЖНАЯ АФРИКА В СКАНДИНАВИИ

---

3 июля 2010 г.

Оригинал: Martin Lichtmesz. Südafrika in Skandinavien

Источник: Источник: <https://sezession.de/15335/suedafrika-in-skandinavien>

Перевод с немецкого, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Также я хотел бы в этом месте еще раз сделать рекламу нового и важного исследования IfS о Южной Африке. Тому, кто не сможет извлечь из этого исторический и политический урок, больше уже ничем нельзя помочь. Так как речь идет здесь, естественно, не о страноведении и истории, которую просто «приятно знать», а о вещах, касающихся судьбы Запада в целом.

Потому что Южная Африка – это будущее, наше европейское будущее. При этом мы должны были сознавать, что этот процесс наступил во всех уголках европейского континента: скоро нигде больше, ни в одной стране Европы, не будет убежища или свободных зон, в которых не проявятся одни и те же проблемы, сценарии и городские сцены. С глобализацией мультикультурализма объединяется также и расизм, и он делается повсеместно распространенной проблемой.

То, что я здесь не преувеличиваю, может показать статья, которая первоначально появилась в левой норвежской газете «Klassekampen» («Классовая борьба») и на которую я натолкнулся [здесь](#) в английском переводе.

Помните ли вы еще о Норвегии и Швеции? Страны далеко на севере, откуда происходят высокие белокурые люди, страны с густыми лесами, фьордами и высоким уровнем жизни?

«Klassekampen» сообщает об этом следующее (перевод и подбор цитат мой; стоит прочитать и всю статью):

«Никогда я не называла кого-то 'негром' или 'черным' или кем-то вроде того. С другой стороны, именно о нас, белых, говорят снисходительно, свысока. Быть белым плохо, христианство и норвежская культура были плохи, и их часто ругали», рассказывает Мари Моркен (16 лет) и выпаливает эти ругательства: «Беяки, картошка, белый сыр».

После трех лет она больше уже не могла выносить это. Она перешла из своей школы в Гроруддалене (северо-восточный пригород Осло) в школу на западе.

Каждое утро она едет на метро на другую сторону города, чтобы избежать оскорблений и плохого окружения в ее классе. Там, где она учится сейчас, хорошо иметь хорошие отметки, и она не выделяется среди других тем, что она светлокожая. Раньше она перекрашивала свои темные пряди в русый цвет. Сегодня она красит волосы несколько светлее. Она на пути к тому, чтобы «отвоевать обратно» свой норвежский дух, свою самобытность норвежки, и она рада тому, что может быть белокурой, чтобы ее при этом не оскорбляли «шлюхой» или «дешевкой».

«А, девочка, белокурая шлюха!»

Этими словами приветствовали 'Жозефину' в ее первый день в школе в одном из южных пригородов Стокгольма, где преобладают мигранты. Жозефина была довольно ошарашена, так как, если не считать ее цвета волос, в ее внешности не было совсем ничего, что позволило бы сделать вывод о каком-то развратном поведении. Она не пользовалась косметикой и носила абсолютно нейтральную одежду. Но уже только из-за цвета волос ее обозвали «шлюхой».

'Жозефина' – это одна из опрошенных Марией Бэкман, которая произвела этнографическое исследование о южном пригороде Стокгольма, где шведы составляют 20% населения. Они стали меньшинством. (...) Она – первая шведка, которая исследовала этнических шведов как меньшинство. Похожего исследования в Норвегии пока еще не было.

«В пригородах невидимая шведская самобытность становится заметной. Этнические шведов определяют там на основании их культуры и религии, подобно меньшинствам с другим происхождением», рассказывала Бэкман газете «Klassekampen».

В своем исследовании Бэкман сконцентрировалась на шведских девушках. Их связывают с представлениями о свободной шведской сексуальности, что в плотно заселенных мигрантами пригородах необязательно рассматривается как нечто положительное. Поэтому стратегия девушек из этого пригорода состояла в том, чтобы затушевывать, попытаться скрыть то, что они шведки.

«Многие перекрашивали себе волосы. Необязательно из-за того, что они хотят выглядеть как мигрантки, но из-за того, что они хотят выглядеть не так по-шведски», говорит Бэкман.

«Да, это именно так!» Мари Моркен энергично кивает, когда мы сообщаем ей, что узнала Мария Бэкман. (...) Мы встретились с нею и с ее матерью Кристиной Педерсен для беседы о причинах ее перехода в другую школу. Они рассказывают о систематических придирках и приставаниях, с тех пор как Мари в десять-одиннадцати лет достигла возраста полового созревания, и до тех пор, пока она в тринадцать лет не перешла в другую школу.

Педерсен все еще злится из-за неспособности школы разобраться с этим случаем.

«Они свалили на Мари всю ответственность за ситуацию. Она должна была справляться с этим, так как, все же, у нее якобы была сильная опора белого среднего класса. (...) Ей говорили, что у оскорблявших ее, мол, были очень большие трудности дома».

(...)

Хотя школа и была кошмаром, они любят местность, в которой они дома, и у них хорошие отношения с их соседями-пакистанцами. Мари вспоминает о безопасном и приятном детстве. Она в первые годы также с удовольствием ходила в школу. В первом классе одна треть учеников по происхождению не были норвежцами. Когда она ушла из этой школы, норвежцев там осталась едва ли одна треть класса.

(...)

Хотя Мари сталкивалась с негативным вниманием мальчиков, сильнее всего ее поразила банда из одной норвежки и трех пакистанских девочек. «Девочки начинают принимать роль мальчиков. Они ищут ссоры и драки», говорит Мари, которую тоже атаковали физически.

(...)

Долгое время Мари не осмеливалась ходить в центр городка. Она знала, что эти девочки рассказывали мальчикам постарше из «банд А и Б» (пакистанские банды), что она, мол, говорила ужасные вещи об их цвете кожи и религии. «Это провоцирует их больше всего».

(...)

Полевые исследования Марии Бэкман вне Стокгольма показывают, что девочки одеваются нейтрально и скрывают свою женственность, чтобы не привлекать к себе взгляды и внимание. Она также узнала, что многие выходят на улицу с крестом, необязательно из-за того, что они такие верующие христиане, а потому что неловко не иметь религиозной идентичности.

(...)

Хотя Мари и не считает себя христианкой, она видит христианство как «свою религию». «На уроках нам рассказывали больше о других религиях, чем о нашей собственной. Мы думали, что другие религии являются более волнующими, но наша собственная религия никогда не получала такое же положительное внимание», говорит она.

Воспитание, образование и жизненные условия – это ключевые понятия государственных усилий в Гроруддалене. Мать и дочь заметили, что есть новые мероприятия по организации отдыха для молодежи, но Мари это уже не интересует, так как она чувствует себя плохо в этой общине, и так как ей эти мероприятия чужды.

Кристин Педерсен считает, что проблема состоит в позиции ответственных политиков и тех, которые профессионально занимаются вопросами интеграции.

«Они должны понимать, что мы чувствуем себя там, где мы живем, как меньшинство. Должна существовать также перспектива меньшинств для норвежских частей населения», говорит она.

Что касается учителей и руководства школы в Гроруддалене, то Педерсен полагает, что их нужно научить создавать позитивное окружение. «Они испытывают такой страх перед тем, что их заклеят расистами. Они боятся того, что они окажутся впутанными в затруднительные ситуации, и боятся, что это может быть использовано против них».

[Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.](#)